

Библиографическій листокъ.

Князь Ѳедоръ Долгорукой. Родословная книга владѣтельныхъ домовъ. Спб. 1913 г.

Опытъ генеалогіи владѣтельныхъ домовъ, принадлежащій князю Долгорукому, — первый русскій опытъ специально — „царственной“ генеалогіи, и потому къ нему нельзя быть особенно строгимъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо указать, что составитель работалъ безъ всякаго плана и далеко не исчерпалъ всѣхъ не только иностранныхъ, но и русскихъ фамилій владѣтельнаго происхожденія, привелъ немало данныхъ сомнительныхъ и пользовался случайными источниками, не могущими служить основою для подобныхъ изслѣдованій (вродѣ, напр. „Almanach de S.-Petersbourg“). Кто занимался генеалогіей, тотъ знаетъ, сколько ошибокъ есть даже въ такихъ трудахъ, какъ книги Руммеля и Голубцова, кн. Ш. Долгорукова и т. п. Генеалогія, къ тому же, всегда находилась на службѣ у родового тщеславія, которое сбивало ее съ пути, подсказывало невѣрныя данныя и диктовало невѣрные выводы. Простые, немотивированные перечни и росписи въ качествѣ историческаго матеріала не могутъ пользоваться довѣріемъ. Князь Ѳ. Долгорукой говоритъ очень серьезно, на примѣръ, объ армянскихъ семействахъ, именующихъ себя Лузиньянами, какъ о потомкахъ Лузиньяновъ, королей Кипрскихъ и Иерусалимскихъ; между тѣмъ эта связь весьма сомнительна и послѣ ряда процессовъ, то смѣшныхъ, то скандальныхъ, осталась недоказанной. Мать Наполеона, Летицію Рамолино, авторъ называетъ „Лютеціей“; далеко не полна родословная Бонапартовъ.

Нила Сорскаго. „Преданіе“ и „Уставъ“, со вступительн. статьей **М. С. Боровковой-Майковой.** (Памятники древней письменности и искусства, CLXXIX, изд. Имп. Общ. любит. древн. письменности). Спб. 1912 г.

Г-жѣ Боровковой-Майковой принадлежитъ новая редакція „Преданіе ученикомъ своимъ о жителствѣ скитскомъ“ и „Монастырскаго устава“ преподобнаго Нила Сорскаго. Для основного текста былъ взятъ сборникъ библіотеки Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, какъ одинъ изъ самыхъ древнихъ и исправныхъ среди множества списковъ, а для разъясненія нѣкоторыхъ сомнительныхъ мѣстъ послужили четыре рукописи изъ наиболее раннихъ. Въ приложеніи дана статья „Воспоминаніе къ своей душѣ хотящему спастися отъ писаній святыхъ отецъ о мысленномъ дѣланіи и о памяти смертной и страшнаго суда, что ради нужно сіе, и како подобаетъ тщатися о семъ“. Какъ съ внутренней стороны, такъ и съ вишней г-жа Боровкова-Майкова усматриваетъ въ этой статьѣ признаки принадлежности перу великаго основоположника русскаго аскетизма.

Дневникъ Вѣры Сер. Аксаковой. 1854—1855. Редакція и примѣч. кн. Н. В. Голицына и П. Е. Щеголева. Спб. 1913. Изд-во „Огни“.

Тютчевъ называлъ эту эпоху русской жизни оттепелью... Рѣдко гдѣ такъ ясно ощущалась эта „оттепель“, какъ въ благородной семьѣ С. Т. Аксакова, жадно слѣдившей за русской жизнью и горячо откликавшейся на ея радостныя и печальныя событія. Старшая дочь С. Т. Аксакова, Вѣра Сергѣевна (1819—1864), была достойна своего отца и братьевъ. „Вѣра Сергѣевна“ — вспоминаетъ о ней близкій человекъ — была исключительнымъ явленіемъ даже и въ этой особо-талантливой семьѣ. Она рисуется въ моихъ воспоминаніяхъ какъ индивидуальность, какъ чрезвычайно обаятельное существо — въ то время, какъ остальные дочери, всѣ вмѣстѣ и каждая отдѣльно, составляли только семью. Всѣ были религіозны, но она жила религіей, горѣла вѣрой и любовью къ Богу... Основная черта ея натуры религіозная серьезность, ярко выявляется въ ея отзывѣ объ Н. С. Тургеневѣ. Суровая душа, anima christiana, судитъ художника-эхо: „у Тургенева мысль есть плодъ его чисто-земныхъ ощущеній, а о поэзіи онъ самъ выразился, что стихи производятъ на него физическое впечатлѣніе... У него есть какія-то стремленія къ чему-то болѣе деликатному, къ какой-то душевности, но не духовному; онъ весь — человекъ впечатлѣній, ощущеній“... Съ точки зрѣнія христіанскаго долга въ томъ его пониманіи, какое культивировалъ аксаковскій кружокъ, смотрѣла эта суровая и вмѣстѣ съ тѣмъ безконечно привлекательная дѣвица на жизнь общества и государства. Съ чрезвычайно развитымъ гражданскимъ сознаніемъ и глубокою нравственной пытливостью наблюдала она событія своего времени, чутко оцѣнивая его переломное значеніе. Велика историческая цѣнность дневника В. С. Аксаковой, но еще выше — психологическая: въ стремленіяхъ людей этого круга и психическаго склада потомкамъ заповѣданъ нравственный урокъ воззрѣнія на жизнь, какъ на исполненіе святаго долга, и той душевной цѣльности, въ которой нѣтъ разумаго счастья.